

ИСЛАМСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ, АНТРОПОНИМИКЕ И ЭТНОГРАФИИ

Хакас тилиндеги, антропонимикадагы жана этнографиядагы исламдык кирип келүүлөр Islamic borrowings in the Khakass language, anthroponymics and ethnography

В статье в контексте исторического развития рассматривается религиозная ситуация на территории Минусинской котловины с акцентом на контакты с исламским миром, на основе исторических, этнографических, археологических и лингвистических материалов.

Ключевые слова: хакасы; енисейские кыргызы; минусинские татары; хакасский язык; арабизмы; ислам; шаманизм; погребально-поминальные обряды.

Макалада тарыхый, этнографиялык, археологиялык жана лингвистикалык материалдардын негизинде Минусин ойдуңдун аймагында ислам дүйнөсү менен байланышууларга көңүл буруу менен тарыхый өнүгүү контекстиндеги диний абал кыскача каралат.

Урунттуу сөздөр: хакастар; энесай кыргыздар; минусин татарлары; хакас тили; арабизмдер; ислам; шаманизм; көргө коюу ырым-жырымдары.

The article briefly examines the religious situation on the territory of the Minusinsk hollow with an emphasis on contacts with the Islamic world, on the basis of historical, ethnographic, archaeological and linguistic materials in the context of historical development.

Keywords: Khakassians, Yenisei Kyrgyz, Minusin Tatars, Khakass language, arabism, Islam, shamanism, funeral rites.

Статья написана для понимания исламских заимствований в хакасском языке, антропонимике и этнографии (некоторых обрядов). Откуда и когда они появились у современных хакасов и где искать корни этих заимствований? Стоит отметить, что приведенные в статье факты заимствований отмечаются только у современных хакасов и не встречаются у алтайцев и тувинцев, ближайших соседей хакасов в Саяно-Алтайском регионе. В статье принято за основу, что в этногенезе хакасов енисейские кыргызы приняли прямое участие. Этой точки зрения придерживаются В.Я. Бутанев, Л.Р. Кызласов, И.Л. Кызласов и другие ученые. Данная работа ставит перед собой цель рассмотреть и собрать сведения о пребывании в Минусинской котловине представителей исламской конфессии, которые могли бы явиться причиной арабо-персидских заимствований у хакасов.

Российские историки и этнографы, изучавшие историю и этнографию хакасов, не отмечают какого-либо присутствия или влияния иных религий, кроме шаманизма с характерным бытом, обрядами и другими атрибутами этого верования. Традиционно считается, что хакасы являются носителями шаманистских верований [1]. Все исследователи, начиная с Д.Г. Мессершмидта, который первым исследовал

Минусинскую котловину в 1721-22 гг. по приказу Петра I, указывают на приверженность хакасов шаманистским культам и верованиям. В 1743 г. участник академической экспедиции в Сибирь И. Гмелин отмечал: "Они не знакомы с какой-либо религией, и, таким образом, они (т. е. турки Саяно-Алтая - В.Я.) являются самыми настоящими язычниками, каких только можно найти. Ни одному мусульманину не удалось обратить в свою веру хотя бы одного из них, ни один монгол не смог заставить <их> полюбить изображение Будды. К сожалению, и христианство не нашло к ним подхода..." [2, 54]. В этнографических работах касательно хакасов нет упоминаний о каком-либо влиянии на них буддизма или ислама.

Рассматривать с исторической точки зрения религиозную ситуацию на территории Минусинской котловины и выявлять следы влияния иных культур на хакасов следует начать с середины IX в., с образования кыргызского каганата на Енисее. Есть упоминания об этом в китайских хрониках Синь Тан Шу, в сообщениях арабских и персидских средневековых авторов (Рашид ад - Дин, Абу-Дулаф, Гардизи и др.), в работе Махмуда Кашгари, составителя словаря «Диван Люгат-ат-Тюрк», и в древнекыргызских енисейских надписях. Более поздние источники

относятся к периоду присоединения Минусинской котловины к Российской империи с первой половины XVII в.

Обращаясь к вопросу о присутствии на Енисее ислама, следует обратить внимание на полемику по этому вопросу. Так, Н.Я. Бичурин, опираясь на хроники летописи Синь Тан Шу (первая половина XI в.), высказал предположение, что название каганской ставки "Мидичжи" означает "мечеть, храм мусульманский" [3, 41]. Это предположение было использовано позднее В.И. Огородниковым для отстаивания тезиса о распространении на Енисее ислама [4, 94]. С.В. Киселев подверг критике Н.Я. Бичурину и В.И. Огородникову о наличии среди енисейских кыргызов в средневековые мечетей, но отметил, что постоянные контакты с народами, исповедующими буддизм и ислам, оставили следы в их культуре. Исходя из сообщения Абу-Дулафа о наличии у кыргызов молельных домов, мерной речи при молитве и обращении к югу при молитве, Киселев С.В. приходит к выводу, что религиозные системы енисейских кыргызов усложнились [4, 94].

В древнекыргызских енисейских надписях, относящихся приблизительно к периоду существования Кыргызского каганата на Енисее, нет ни одного упоминания или какого-то намека на иное, чем языческое, мировоззрение мемориантов. В нескольких случаях имеется отличие - в частности, упоминаются «Зерван» (в оригинале написано «Azgu») и «мар» («наставник» на иранском), что является, скорее, влиянием зороастризма или манихейства [5, 168]. Остальные памятники можно определить как относящиеся к исконно тюркским языческим верованиям - так, упоминаются Тенгри, Тенгри эль (божественное государство), мать Умай, повелитель подземного мира Эркилг [5, 92-94, 117-120].

Из словаря Махмуда Кашгари «Диван Люгат-Тюрк», составленного в XI в., можно сделать вывод о том, что сам автор относился к енисейским кыргызам как к многобожникам [6, 54, 69]. Однако имеются упоминания в древнекыргызских енисейских надписях о посольских или торгово-экономических отношениях енисейских кыргызов периода IX-XI вв. с государством Караханидов, которые были непримиримы к многобожникам [32, 109]. По сообщению Рашид ад-дина в конце XIII в. от киргизов в столицу каана Хубилая приходило несколько купцов. Одного из них звали Омар Киргизи, т. е. «Омар из Киргизии». Как пишет Л.Р. Кызласов: «Это прямое свидетельство особенно авторитетного автора начала XIV в. о приходе в Дайду по описанному выше пути мусульманских купцов из «области киргизов» (т. е. хакасов) не оставляет сомнений, что они жили на Енисее» [7, 209]. Это первое упоминание об иноверцах среди енисейских кыргызов на Енисее. Л.Р. Кызласов на основании сообщений арабских и персидских средневековых авторов (Абу-Дулаф, Гардизи и др.), а также раскопок храмовых построек на территории Хакасии, которые были охарактеризованы им как манихейские хра-

мы, утверждает, что среди енисейских кыргызов было распространено манихейство [8, 146]. И.Л. Кызласов на основе переводов наскальных надписей, найденных в Хакасии в наши дни, также утверждает, что среди енисейских кыргызов, по крайней мере до XIII в., было распространено манихейство [9, 104].

С.В. Киселев не исключал возможности о распространении ислама у кыргызов, поскольку в ходе археологических раскопок С.А. Теплоуховым в Туве, в местности Саадак-Терек, были обнаружены мусульманские захоронения [4, 94]. Однако Л.Р. Кызласов в архивных материалах С.А. Теплоухова никаких заключений об этом памятнике из Саадак-Терека не обнаружил, хотя сам С.А. Теплоухов считал их мусульманским могильником *предмонгольского* времени (XII—XIII вв.) [7, 206].

Обследование археологических памятников Тувы показало, что мусульманский могильник из Саадак-Терека является пока единственным. По заключению Л.Р. Кызласова, этот «МОГИЛЬНИК БЫЛ кладбищем торговой фактории мусульманских купцов, избравших долину р. Хемчик для своего поселения, там скрещиваются древние караванные пути в Северо-Западную Монголию, на Алтай и в Хакасско-Минусинскую котловину» [7, 207]. Л.Р. Кызласов приходит к выводу, что данная фактория могла появиться только *после монгольских завоеваний*. По сообщению китайского мудреца Чан-Чуня, побывавшего на Орхоне в 1220 г., «мука приходит сюда (на Орхон. — Л. К.) из-за северных гор, более чем за 2000 ли; торгующие варвары западных стран доставляют ее вьюками на верблюдах». Свидетельство Чан-Чуня показывает, что в начале XIII в., еще при Чингис-хане, среднеазиатские купцы скупали муку у земледельцев в Хакасско-Минусинской котловине и через Саянский хребет и Туву доставляли ее караванным путем в Центральную Монголию [7, 208].

О бухарских (т.е. мусульманских) купцах, имевших торговые фактории на Кыргызской земле, в Минусинской котловине, упоминается в Памятниках Сибирской истории, изданных Кузнецовым. Упоминается, что караваны бухарских купцов вывозили в Китай сибирской «мягкой рухляди множество» [10, 98]. Но сами енисейские кыргызы, по свидетельству русских «служилых людей», в начале XVII в. оставались приверженцами язычества [11, 74].

Как видим из письменных источников, на территории Минусинской котловины в период с IX в. до монгольского завоевания енисейских кыргызов, наблюдается не однозначная картина. Наряду с тюркскими языческими верованиями упоминаются усложненные религиозные системы, которые Л.Р. Кызласов признал как манихейство. Из письменных источников известно (археологические данные подтверждают это), что после монгольского завоевания среди енисейских кыргызов

появляются среднеазиатские купцы, которые устраивают торговые фактории на Енисее. Судя по всему, они вели свою деятельность до вхождения Минусинской котловины в состав Российской империи, до XVIII в. Донесения российских служилых людей в XVII в. наталкивают на мысль, что енисейские кыргызы оставались язычниками, но эти донесения не отражали реального положения дел внутри кыргызского общества, так как были написаны «внешней» стороной.

После присоединения территории Минусинской котловины к Российской империи в XVIII в. и насильственного крещения проживавшего на этой территории населения, шаманизм по-прежнему имел здесь доминирующие позиции. В конце XIX в. Н.Ф. Катанов, исследовавший тюркские племена в 1889-1892 гг. по поручению Академии Наук и Географического Общества Российской империи, в том числе описывая хакасские племена, пишет, что «больше всего шаманских обрядов сохранилось у племен, исповедовавших христианство» [12, 8]. Многие советские и российские историки, этнографы, такие как Л.П. Потапов [13], В.Я. Бутанаев [14] также отмечают сохранение шаманских обрядов и традиций у хакасов и в нынешние дни.

В работах по ономастике хакасов В.Я. Бутанаев неоднократно отмечает наличие арабо-персидских имен и возможное влияние на хакасов татарских купцов. «В результате торговых связей с мусульманами, в первую очередь татарами, распространились имена Карим, Кадыр, Ахмат, Калип и др.» [15, 97].

Прослеживаются исламские элементы в материальной и духовной культуре хакасов, выявленные В.Я. Бутанаевым в ходе его этнографических исследований. Прежде всего, обращает на себя внимание наличие исламского элемента в погребально-поминальных обрядах. У хакасов при кормлении души умершего на поминках «свинину и рыбу употреблять нельзя, иначе душа «суне» будет брезговать» [16, 123]. Это перекликается с запретом есть свинину в исламе.

Очень интересен обряд сопровождения души покойного шаманом. «Сагайцы отправляли душу — «харазы» на запад в верховья р. Абакан, на мифическую Читі пугтыг Пулантаг (т. е. Семино-гую Лось-гору). Здесь находилась земля узатов, т. е. потусторонних духов. Сначала шаман заставлял душу «харазы» пройти через волосяной мост «хыл кббїрткі». Если она была грешной, то падала вниз и погибала» [16, 130].

В данном случае проведение души умершего через волосяной мост над пропастью очень напоминает мост Сират в исламе. «Сират - это мост, раскинутый над Адом. Он острее меча и тоньше волоса, скользкий как лед» и грешные души не могут

пройти этот мост, падают вниз [17]. В татарско-русском словаре *сират купере - суц.рел.* сират (мост над адом тоньше волоса, острее ножа) [18, 197]. «В степной части Хакасии кладбище называется сыырат» [16, 112]. Казанские татары также называют кладбище зи-рат, которое происходит, по мнению ряда исследователей, от арабского зийарет - посещение [18, 97].

Этнографические исследования российских ученых показывают доминирование шаманских обрядов у хакасов, несмотря на попытку христианизации. Вместе с тем, выявлены некоторые заимствования, скорее всего исламские, в антропонимике и погребальных ритуальных обрядах хакасов.

Автором данной статьи зафиксированы свидетельства некоторых жителей, уроженцев Аскизского, Таштыпского районов, расположенных на юге республики Хакасия, о захоронениях усопших в боковой нише, с подбоем. Такой метод захоронения не характерен в целом для хакасов, и до сих пор нигде в литературе об этом не упоминается. Подобный метод захоронения описан Кызласовым Л.Р. в местности Саадак-Терек и охарактеризован как мусульманский.

По информации Черпаковой Т.Р. [23], в период ее проживания в аале Аар-Паары Аскизского района её родственники по отцовской линии из рода Сайын, по фамилии Казагашевы, погребали умерших в ямах с подбоем, т.е. в боковой нише. Аал Аар-Паары существовал до середины 50-х годов XX в.. После переселения жителей в аал Абрамов, подобным образом хоронить перестали. Угдыжекова Е.М. [24] также неоднократно видела в детстве, как родственники по материнской линии Казагашевы хоронили своих усопших в яме с подбоем. Точно помнит, что подобным образом был похоронен отец матери и ее мать, Елена Яковлевна, хакаское имя Кирса.

При укрупнении колхозов в СССР в середине 50-х годах жители аала Аар-Паары вынуждены были переселиться в аал Абрамов, в советские времена известный как колхоз им. Сталина. Возможно вышеописанный способ захоронения был утрачен вместе с последним представителем старшего поколения, для которого он был значим. Ныне представители этого рода хоронят своих усопших общепринятым у хакасов способом, а именно, в яме делают углубление под гроб, который затем обкладывают с боков и сверху скальным плитняком или досками из листовичного дерева. Получается что-то наподобие каменного саркофага, которое затем закидывают землей.

Следующая информация предоставлена Чебодаевой Н.Н. [25], которая сообщила, что тоже помнит, как хоронили усопших в боковую нишу. Однажды, лет в 8-10. попав на погребение, она

видела, что гроб опустили в яму и спрятали в боковую нишу. Последнее подобное захоронение она видела примерно в 1996 году, когда хоронили Сагалакова Кёледе, уроженца аала Усть-Таштып. Сам Сагалаков Кёледе перед смертью просил похоронить его в яме с подбоем, хотя так уже давно не хоронили. По словам Чебодаевой Н.Н. для захоронения в яме с подбоем есть даже особое слово в хакасском языке – кёлет саларга.

Подобная информация была записана и со слов уроженца аала Пуланколь Черпакова Л.Н. [26]. Он сообщил, что его отец, Черпаков Н.С. перед кончиной в 2010 г. попросил своих детей похоронить его тоже в яме с подбоем. Сам Черпаков Никанор Степанович, 1932 г.р., из рода Туран, уроженец аала Чичинин, Аскизского района детство и юность провел в с. Верх-База. Возможно, что его просьба связана с тем, что в этих местах традиция захоронения была именно такой.

При обсуждении традиции захоронения у рода Сайын с Чебодаевой Л.И., являющейся доцентом кафедры хакасской филологии, кандидатом филологических наук, была получена информация, что аналогичный способ захоронения существовал также в аале Конуре, Аскизского района, республики Хакасия.

Выявленные факты захоронения в ямах с подбоем на юге Хакасии - единичны, и это не позволяет говорить о какой-то общепринятой традиции. Можно с определенной долей уверенности говорить лишь о традиционности подобного рода захоронения у рода Сайын (Казагашевы). Но с годами живых свидетелей остается все меньше, и собрать подобную информацию все труднее.

Погребение усопших – важнейший обряд, последняя дань уважения усопшему. И это самый консервативный обряд, который с трудом претерпевает изменения. Описанный способ захоронения в яме в боковой нише был утерян. Наличие таких захоронений свидетельствует либо о более сложном этногенезе хакасского народа, либо о наличии сильного влияния на какую-то часть хакасского народа народов, исповедующих ислам.

Попробуем разобраться, когда и как это могло произойти. Вышеназванные информаторы происходят из хакасских сеоков – родов Сайын, Туран и Бельтыр. В.Я. Бутанаев исследовал происхождение хакасских родов, и показал, что вышеперечисленные рода были в числе енисейских кыргызов, переселенных в Джунгарское ханство в разные периоды времени и вернувшихся в Минусинскую котловину.

В легенде происхождения рода Сайын говорится о переселении этого рода из-за гор в долину реки Абакан [27, 127] к Бельтырам, когда они охраняли границы Российской империи по Саянским горам в XVIIIв. [11, 111]. Также род Сайын зафиксирован в уезде Фуной городского округа Цицикар провинции Хэйлуцзян (КНР) среди фунойских кыргызов, которые считаются потомками переселенных во второй половине XVIIIв. енисейских кыргызов из Джунгарии [11, 100]. Это

свидетельствует о разделении этого рода при возврате из Восточного Туркестана в Южную Сибирь после разгрома Джунгарского ханства Цинским Китаем в 1756 г.. Известно, что енисейские кыргызы находились в составе джунгарского ханства в качестве отдельного оттока с 1703 г. [11, 93].

Про род Туран у Бутанаева В.Я. записано, «когда была война, Туранов переселили к монголам. Они были ловкий, проворный, воровской народ. По дороге они ночью убили монгольских охранников и сбежали. Потом они вернулись в Хакасию и жили по берегу реки Абакан, в устье реки Оок» [27, 58]. Можно добавить, что среди представителей рода Туран были распространены арабо-персидские имена - Мурза, Мансур (Мансыр), Курбан (Курман)- еще в XIXв.

Чебодаева Н.Н. происходит из рода Хара Бельтыр. «Хакасский исторический фольклор относит бельтыров к потомкам енисейских кыргызов, уведенных монголами за Алтай и затем бежавших назад» [15, 26].

По родам Туран и Бельтыр трудно сказать, когда было переселение и возврат, но по роду Сайын можно с уверенностью сказать об их пребывании в Джунгарском ханстве с 1703 г. по 1756 г. Заимствование некоторых мусульманских обрядов могло произойти во время пребывания в Джунгарском ханстве.

В джунгарский период енисейские кыргызы, исповедовавшие язычество, находились либо под влиянием ламаистской церкви, либо под влиянием ислама. «Ламаистская церковь жестоко подавляла и преследовала шаманизм, шаманов и их последователей» [28, 100]. Однако в ставке джунгарского контайши проживали «многочисленные представители мусульманской аристократии», а также богатое купечество [28, 220]. На территории Джунгарского ханства бытовали только две религии, ламаизм и ислам, что должно было отразиться на вероисповедании енисейских кыргызов.

После уничтожения Джунгарского ханства Цинским Китаем переселенные в Джунгарию енисейские кыргызы начали возвращаться на свою историческую родину [15, 122], в Минусинскую котловину, принеся с собой заимствованные ими элементы иной культуры.

Свидетельством влияния ислама на части енисейских кыргызов может послужить имя одного зайсана - Курбан-Кашка. Он вывел из Джунгарии к стенам Усть-Каменогорской крепости 53 семьи, численностью в 168 человек и написал письменное прошение на вечное подданство Российской империи в 1757 г. «Наперед сего они жительство имели по реке Енисей при урочище Красного Яра в подданстве Ея императорского величества». (АВПРИ, ф. 113/ 1757 г., Д. 2., л. 75)» [11, 123]. Имя Курбан имеет арабские корни, что обозначает жертвоприношение в исламе. Хотя само имя еще не может свидетельствовать о религиозной принадлежности.

В отношении Курбан-Кашка требуется дать некоторые пояснения. По китайским источникам его называют Курбан Ходжо, титулом мусульманского теократического правителя Восточного Туркестана, что, по мнению хакасского историка Чертыкова М.А., требует осмысления и дальнейшего исследования [31]. Самого Курбан-Кашку казнили в 1756 г. по приказу маньчжурского императора Цянлуна, и к Усть-Каменогорской крепости людей вывел его сын [31]. В статье М.А. Чертыкова также приводится информация, что енисейские кыргызы, когда преследовали похитителей Даваца, последнего контайши Джунгарии, повредили инкрустированную золотом статую Будды в височной области. Сделали они это, так как не верили в Буддизм [31]. То есть, можно предположить, что находясь в ставке Джунгарского контайши в течении более 50 лет, енисейские кыргызы так и не стали буддистами. Приведенные факты в отношении енисейских кыргызов в период их пребывания в Джунгарии являются косвенными, но характерными. Сопоставление данных наводит на мысль лишь о культурном влиянии мусульман на енисейских кыргызов.

Если обратиться к хакасскому языку, то в нем можно обнаружить арабо-персидские заимствования. По мнению Н.А. Баскакова, процесс влияния арабо-персидских языков на современный хакасский язык происходил в среднетюркскую эпоху (X – XIV вв.) [19, 390]. «К этому же периоду, а для отдельных слов к более поздним периодам, относятся арабские и персидские заимствования, которые проникли в хакасский язык главным образом через сибирских татар – посредников при обмене и торговле» [19, 392]. В русско-хакасском словаре под редакцией Д.И. Чанкова указывается, что хакасский язык почти свободен от арабо-персидского влияния, за исключением нескольких слов (напр. *карман* - ізеп, *известие* - хабар и др.) [20, 4]. В своей энциклопедической работе «Хакасско-русский историко-этнографический словарь» В.Я. Бутанаев собрал перечень арабских и персидских заимствований в хакасском языке [21].

Турецкий исследователь Мехмет Кара приходит к выводу, что вошедшие в хакасский язык арабские и персидские слова с точки зрения фонетики не претерпели сильных изменений, и это казывает, что слова вошли в недалеком прошлом. Многие слова либо религиозного, либо торгового толка и вошли в хакасский язык через торговцев мусульман-татар. Мехмет Кара пишет, что в хакасском языке количество арабо-персидских включений по сравнению с монгольскими словами имеет не сопоставимо малое количество [22, 165]. Также он приводит список имен арабского происхождения, зафиксированных у хакасов [22, 163].

Лингвистический аспект показывает существование арабо-персидских заимствований, и эти слова чаще всего религиозного или торгового со-

держания. Малое их количество, но частое применение в повседневной жизни могут быть свидетельством активной миссионерской деятельности со стороны исламских проповедников и торговли с татарами - мусульманами. Предположение о переселении сибирских татар после разгрома Сибирского ханства Россией подтверждается только для северной территории Хакасии. Рода сибирских татар не зафиксированы среди хакасских родов, кроме как среди кызыльцев, проживающих на севере Хакасии по реке Чулым. Но заимствования в языке хакасов через татарский язык присутствуют на всей территории Хакасии. Предположение о торговой деятельности татарских купцов в Минусинской котловине после присоединения территории к Российской империи и последующем распространении заимствований оспаривается сибирским историком Козьминым Н.Н.. Этот вопрос он поднимает в замечании о красноярском купечестве, которое ревниво защищало свое монопольное положение в торговле в Минусинском крае среди скотоводческого населения [10, 120].

Несмотря на принадлежность к язычеству, среди хакасов имеются следы контактов с исламским миром. Они обнаруживаются в похоронной обрядности некоторой части хакасского народа, заимствованиями в языке. Однозначного ответа, когда могли произойти эти заимствования, нет. Но установлены факты, что мусульманские купцы держали торговые фактории у енисейских кыргызов после монгольского завоевания, в период XIII - XVII вв., до вхождения Минусинской котловины в состав Российской империи. Немаловажную роль в торгово-экономических отношениях играло Сибирское ханство, западный сосед енисейских кыргызов, о чем свидетельствуют лингвистические данные арабо-персидских заимствований у хакасов. В Сибирском ханстве во времена хана Кучума, который был ревностным мусульманином, мусульманские проповедники вели активную деятельность [30]. В этот период происходят языковые заимствования, которые имеются и в современном хакасском языке.

Зафиксированные похоронные обряды с подбоем у хакасских родов существует преимущественно в лесостепной зоне юга Хакасии по реке Абакан и его притоков, на переходе из Горной Шории и Тывы, что свидетельствует, что заимствование этого способа погребения не могло произойти от сибирских татар, проживающих намного севернее.

Современные хакасы прошли сложный путь этногенеза, и в ходе исторического развития вступали в контакты со многими окружающими народами, и следы этих контактов остались в языке, этнографии хакасов. Несмотря на то, что временами хакасы попадали под власть более могущественных соседей, в религиозном отношении они оказались очень консервативны и до сих пор придерживаются языческого мировоззрения. С вхождением в состав России и христианизацией

населения Хакасии наблюдаются ассимиляционные процессы, которые смывают следы прошлого. Какова была религиозная ситуация до вхождения в состав России, не является ли шаманизм ответом на насильственное крещение, не является ли это некоторой деградацией общества вследствие закрытия границ Хакасии, последовавшей после вхождения в состав Российской империей все это еще предстоит исследовать. Но выявленный специалистами исламский след, арабо-персидские заимствования у хакасов, несомненно, являются отголоском периода государственности

енисейских кыргызов, который В.Я. Бутанаев назвал периодом Хонгороя, начиная с монгольского завоевания в XIII в. и заканчивая включением Хакасии в состав Российской империи в XVIII в. [11, 14]. Следы мусульманского влияния в Минусинской котловине свидетельствуют о широком охвате мусульманскими миссионерами в дороссийский период ареала Ойкумены и являются крайней северо-восточной точкой их деятельности.

Список цитируемых источников

1. Энциклопедический словарь. 2009 год // <http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/61896/хакасы> [по состоянию на 20.05.2017 г.]
2. Бутанаев В.Я. Кыргызское государство и древние религии Центральной Азии. В сборнике «Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и развития». – Иркутск, 2004.
3. Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана: Т.2. – Бишкек, 2003.
4. Худяков Ю.С. Кыргызы на просторах Азии. – Бишкек, 1995.
5. Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. – Москва: Наука, 2008.
6. Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк / перевод, предисловие и комментарии З.-А.М. Ауэзовой. – Алматы, 2005.
7. Кызласов Л.Р. Памятник мусульманского средневековья в Туве. / В сборнике Академии Наук СССР «Советская археология» № 2. – Москва, 1963.
8. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. – Москва, 1984.
9. Кызласов И.Л. Енисейская письменность Древнехакасского государства. – Абакан, 2017.
10. Козьмин Н.Н. Избранные труды: Хакасы. Туба. Князь Иренак. Д.А. Клеменц. – Абакан, 2010.
11. Бутанаев В.Я. История вхождения Хакасии (Хонгороя) в состав России. – Абакан, 2007.
12. Катанов Н.Ф. Избранные научные труды. – Абакан, 2012.
13. Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. – Абакан, 1957.
14. Бутанаев В.Я., Монгуш Ч.В. Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. – Абакан, 2005.
15. Бутанаев В.Я. Историческая ономастика Южной Сибири. – Бишкек, 2013.
16. Бутанаев В.Я. Погребально-поминальные обряды хакасов в XIX – начале XX в. Сборник «Историко-культурные связи народов Южной Сибири» - Абакан, 1988.
17. <http://www.sawab.info/sirat-most-nad-adom> [по состоянию на 20.05.2017].
18. Татарско – русский полный учебный словарь. Под редакцией Сабирова Р.А. – Казань, 2008.
19. Баскаков Н.А., Инкижекова-Грекул А.И. Хакасский язык. Фонетическая структура, словарный состав, грамматический строй. – Москва, 1953.
20. Русско – хакасский словарь. Под редакцией Чанкова Д.И. – Москва, 1961. Предисловие к русско-хакасскому словарю.
21. Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь = Хоорай-орыс тархын-этнография сөстiгi : [учеб. пособие для преподавателей гуманитар. вузов тюркоязыч. респ. России] – Абакан, 1999.
22. Мехмет Кара. In the khakas turkish, arabic and persian loan (borrowed) words – II. // *Zeitschrift für die Welt der Türken*, вып. 5, No.3 (2013)
24. Информация получена от Черпаковой Татьяны Романовны, девичья фамилия Казагашева, 1942 года рождения, уроженка аала Аар-Паары, сеок (род) Сайын.
25. Информация получена от Угдыжековой Евдокии Михайловны, 1939 года рождения, также уроженка аала Аар-Паары, из рода Суғ Харғазы, по материнской линии относится к роду Сайын, фамилии Казагашевы.
26. Информация получена от Чебодаевой Нины Никитичны, 1963 года рождения, уроженка аала Усть-Таштып (Таштып Пилтірі), род Ах Пилтир.
27. Информация получена от Черпакова Леонида Никаноровича, 1960 г.р., уроженец аала Пуланколь, Аскизского района, Республики Хакасия, род Туран.
28. Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Хоорай чонның төреллери. – Абакан, 1996.
29. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства 1635 – 1758. – Москва, 1983.
30. «История Хакасии с древнейших времен до 1917 года» / под редакцией Л.Р. Кызласова. – Москва, 1993.

30. Ключева В. П. Православие и ислам в Западной Сибири (конец XVII — середина XVIII в.): проблемы взаимодействия. // http://www.ipdn.ru/rics/doc0/DA/a5/3-klu.htm#_ftnref1 [по состоянию на 20.05.2017.]
31. Чертыков М.А. Фуюйские кыргызы (историко-этнографический очерк). // http://kyrgyz.ru/articles/khakas/ma_chertykov_fuyuyskie_kyrgyzy_istoriko-etnograficheskiy_ocherk [по состоянию на 08.03.2018]
32. Черпаков М.А. Посольские взаимоотношения енисейских кыргызов с государством Караханидов (по енисейским древнекыргызским надписям). Статья в сборнике «Вестник КНУ» №2, Бишкек, 2017 г., стр. 109-119

Рецензенты: Асанов Т. И. - кандидат исторических наук, доцент КНУ им. Ж. Баласагына

Чотаева Ч. Д. – доктор исторических наук, профессор АУЦА

Асекова С. У. – кандидат исторических наук, доцент КГУ им. И. Арабаева

